

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-2-122-129

ЛЁГКОСТЬ И ТЯЖЕСТЬ КАК МАРКЕРЫ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ Л.Н. ТОЛСТОГО

Фомина Ю.В.

Воронежский государственный университет

394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ поведения персонажей, живущих по законам *ложной жизни*, и их антиподов в повестях Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник». Ключевой мотив – *лёгкости / тяжести* – относится как к внешнему поведению героев, так и отражает их внутренние установки, причём *лёгкость* становится знаком веры. Продуктивным при анализе указанных образно-смысловых оппозиций становится обращение к более ранним текстам писателя, подтверждающее связь *лёгкости* с рождением нового мироощущения.

Ключевые слова. Л.Н.Толстой, семантика жеста, мотив истинной жизни, мотив лёгкости / тяжести, прозрение.

LIGHTNESS AND HEAVINESS AS MARKERS OF NON-VERBAL BEHAVIOR OF THE L. TOLSTOY'S CHARACTERS

J. Fomina

Voronezh State University

1 Universitetskaya, Voronezh, Russian Federation, 394006

Abstract. The article presents a comparative analysis of the behavior of the characters, who live according to the laws of a false life, and their antipodes in the stories of L. Tolstoy «Death of Ivan Ilyich», «Master and Man». The key motive – *lightness / gravity* – refers to the external behavior of the characters and reflects their internal settings; moreover, the lightness becomes a sign of faith. In the analysis of these figurative and semantic oppositions, reference to earlier texts of the writer becomes productive, and it proves connection of lightness and the birth of a new attitude.

Keywords: L. Tolstoy, the semantics of the gesture, the motive of the true life, the motive of the lightness / gravity, Epiphany.

При анализе повестей Л.Н. Толстого нас интересует невербальное поведение персонажей в соотношении с их эмоционально-духовной жизнью. В последние годы появились диссертационные исследования, затрагивающие проблему конгруэнтности вербальных и невербальных элементов повествования в творчестве писателя: Ж.Н. Куца «Невербальные формы коммуникации как выражение

эмоциональной жизни героев Л.Н. Толстого (по роману «Война и мир»)» (2010), А.В. Лебедева «Невербально-пластический аспект в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»» (2011), поэтому наше исследование является закономерным продолжением изучения творчества Толстого в данном аспекте.

Прежде чем перейти к анализу произведений, необходимо определиться с терминологией. Вслед за Г.Е. Крейдлином мы будем понимать ключевое понятие «жесты» достаточно широко, «а именно как включающие в себя не только (а) собственно жесты, то есть знаковые движения рук, ног и головы, но также (б) выражения лица, (в) позы и (г) знаковые телодвижения (движение корпуса) [5, с. 10].

В произведениях Л. Толстого персонажи, живущие по законам *ложной жизни*, имеют своих антиподов. В «Холстомере» это пегий мерин, в «Смерти Ивана Ильича» – Герасим и «гимназистик», в «Хозяине и работнике» – Никита. Эти персонажи – конь, мужики и ребёнок – живут по законам *истинной жизни*, сами не осознавая этого, поэтому их пример лишь начальный этап бесконечного пути нравственного совершенствования.

Схожими характеристиками обладают буфетный мужик Герасим и Никита, «не хозяин, как про него говорили» [8, т. 29, с. 4]. Ключевое определение для них – *лёгкий*. Оба персонажа обладают *лёгкой* походкой, всю работу они делают с *лёгкостью*: *...буфетный мужик Герасим, пройдя перед Петром Ивановичем лёгкими шагами, что-то посылал по полу* [8, т. 26, с. 63]; *...Никита, как всегда, весело и охотно, бодрым и лёгким шагом своих гусем шагающих ног пошёл в сарай...* [29, с. 4].

Внешняя *лёгкость* – это отражение внутренней: Герасим и Никита *легко* относятся к жизни, смерти, труду. На вопрос Петра Ивановича, жалко ли Герасиму Ивана Ильича, мужик отвечает: – *Божья воля. Все там же будем, – сказал Герасим, оскаливая свои белые, сплошные мужицкие зубы* [8, т. 26, с. 68]. Здесь стоит обратить внимание на невербальный знак *оскалить зубы*. Он не раз встречается у Герасима и у других персонажей Толстого, в том числе антидетичных Герасиму. Вспомним Брехунова: *Вид своего сына, которого он всегда в мыслях называл наследником, доставлял ему теперь большое удовольствие; он, шурясь и оскаливая длинные зубы, смотрел на него* [8, т. 29, с. 7]. Если говорить о физической стороне этого жеста, то он обозначает *оголить зубы*. С традиционной точки зрения он передаёт эмоции злости, гнева или насмешки. Однако эти чувства явно не сопоставимы с рассматриваемой ситуацией. Обратимся к эпизоду из повести «Чем люди живы»: *Глядел, глядел Михайла и вдруг улыбнулся и просветлел весь. / – Ты что, дурак, зубы скалишь?* [8, т. 25, с. 17]. У Толстого жест *скалить зубы* может быть синонимичным знаком *улыбаться*, не неся коннотации *насмехаться* или *злиться*, что имеет, вероятно, самое простое объяснение. Этот невербальный сигнал напоминает о связи человеческих эмоций с миром эмоциональных реакций животных, что в данном случае подчёркивает у Толстого стихийность, близость к природному миру, данные со знаком «плюс», знаковые для персонажей, подобных Герасиму и Михайле.

Герасим не чувствует тяжести выполняемой им работы: – *Тебе что делать надо ещё? // – Да мне что ж*

делать? *Всё переделал, только дров наколоть на завтра // <...> – А дрова-то как же? // – Не извольте беспокоиться. Мы успеем* [8, т. 26, с. 97]. Никита прощает жене измену с бондарем: *Бог с ними, Василий Андреич, я не вникаю в эти дела. Мне чтобы малого она не обижала, а то бог с ней* [8, т. 29, с. 10]. Осознавая, что они с Василием Андреичем заблудились, Никита не отчаивается: *– А сбились с дороги, поискать надо, – коротко сказал Никита, встал и опять, легко шагая своими внутрь вывернутыми ступнями, пошёл ходить по снегу* [8, т. 29, с. 17]. Когда путники решают остановиться на ночёвку, Василий Андреич боится замёрзнуть, Никита же спокоен: *Что же? И замёрзнешь – не откажешься* [8, т. 29, с. 29].

Такое восприятие жизни рождается оттого, что Никита и Герасим – люди верующие. Они понимают свою зависимость от Божьей воли. Никита не боится умереть, потому что *...он чувствовал себя всегда в этой жизни в зависимости от главного хозяина, того, который послал его в эту жизнь, и знал, что и умирая он останется во власти этого же хозяина, а что хозяин этот не обидит* [8, т. 29, с. 36]. Люди веры – счастливые люди. Они не ропщут на жизнь, довольствуются тем, что имеют. Как отмечает К.Э. Изард, «эмоция руководит мыслительной и физической активностью индивида, направляет её в определённое русло. <...> Счастье составляет человека <...> идти по жизни лёгкой, пружинистой походкой» [4, с. 27] (курсив мой. – Ю. Ф.).

В более раннем творчестве писателя встречаются персонажи, обладающие такой же лёгкостью. Яркий пример – дядя Ерощка из повести «Казачки», наделенный лёгкой походкой и лёгким от-

ношением к жизни / смерти: *Он легко и ловко перешагнул через порог...* [8, т. 6, с. 45]; *Сдохнешь, говорит, трава вырастет на могилке, вот и всё* [8, т. 6, с. 56]. Если опираться на терминологию Ю.М. Лотмана, то Герасим, Никита и дядя Ерощка относятся к одному типу героев – существования, мир которых лежит вне нравственных оценок, оправданный тем, чем оправдана жизнь – фактом своего существования [6, с. 386]. Однако Ерощка отличается от мужиков из поздних повестей тем, что пребывает в пантеистическом измерении, тогда как Герасим и Никита ориентированы на христианскую традицию.

Вера не закрывает глаза мужикам на истинное значение поступков других людей, но определяет спокойное отношение к ним. Так, Никита понимает, что Брехунов обманывает его, но не пытается спорить с хозяином. Мужик живёт сегодняшним днём, его девиз – *...надо жить, пока нет другого места, и брать, что дают* [8, т. 29, с. 5]. Более того, «практически по каждому вопросу у Никиты есть свои соображения, – замечает К.А. Нагина, – но он никогда не руководствуется ими и даже не озвучивает их, поскольку всегда помнит о своём положении зависимого человека» [7, с. 174]. К примеру, Никита считает неправильным продолжать путь, уезжая от гостеприимных знакомых в Гришкино, но он ни слова не говорит по этому поводу. Единственное, что выдаёт истинное мнение мужика – это тяжёлый вздох, который он издаёт перед сборами.

Положение работника отражается и в поведении Никиты. Обратимся к эпизоду, когда он входит в избу «старика хозяина» в Гришкино: *Вид и запах*

водки, особенно теперь, когда он пере-
зяб и уморился, сильно смутили Ники-
ту. Он нахмурился и, отряхнув шапку
и кафтан от снега, стал против обра-
зов и, как бы не видя никого, три раза
перекрестился и поклонился образам,
потом, обернувшись к хозяину-ста-
рику, поклонился сперва ему, потом
всем бывшим за столом, потом бабам,
стоявшим около печки, и, проговоря:
«С праздником», стал раздеваться, не
глядя на стол [8, т. 29, с. 20]. Поклон
образам – ритуальное действие, по-
клон всем присутствующим – бытовой
жест, который является «знаком веж-
ливости и уважения». Но в русской
культуре жест «кланяться» – это ещё
и «знак того, что вы слабее или ниже
по рангу: сгибаясь и как бы делая себя
меньше, одновременно опуская вниз
глаза, вы даёте адресату понять, что у
него преимущество» [5, с. 113].

Однако при таком простом, но в то
же время глубоком взгляде на жизнь
этим героям не чуждо смятение. Кра-
сочным примером может послужить
тот же эпизод: Никита хмурится при
виде водки. Жест «хмурить брови» ис-
пользуется для выражения «недоволь-
ства, неодобрительного к чему-либо
отношения» [1, с. 9]. В данном случае
персонаж недоволен внутренней «му-
чительной борьбой»: с одной стороны,
желание выпить водки со всеми, а с
другой, обещание перед самим собой.
Поэтому Никита старается оградить
себя от соблазна, не смотрит на стол.
Но решение приходится принять, ког-
да ему предлагают напиток: *Он чуть
не взял стаканчик и не опрокинул в
рот душистую светлую влагу; но он
взглянул на Василия Андреича, вспо-
мнил зарок, вспомнил пропитые сапоги,
вспомнил бондаря, вспомнил малого,*

*которому он обещал к весне купить
лошадь, вздохнул и отказался* [8, т. 29,
с. 20].

Герои, живущие по законам истин-
ной жизни, противопоставлены пер-
сонажам, идущим ложным путём, не
только внутренним состоянием, но и
внешностью. Так, сила, здоровье, моло-
дость, чистота Герасима ярко контра-
стируют со слабостью, немощью, бо-
лью, овладевшими Иваном Ильичом.
К огорчению последнего, именно этот
«свежий» мужик убирает нечистоты
за больным: *Герасим был чистый све-
жий, раздобревший на городских хар-
чах молодой мужик. Всегда весёлый, яс-
ный. Сначала вид этого, всегда чисто,
по-русски одетого человека, делавшего
это противное дело, смущал Ивана
Ильича* [8, т. 26, с. 96]. На фоне работы
сильного и молодого Герасима картина
болезненного угасания Ивана Ильича
более очевидна и ужасающа. Посте-
пенно смущение Ивана Ильича перед
Герасимом пропадает, он осознаёт ис-
кренность и простоту мужика, прони-
каясь к нему теплотой: *Здоровье, сила,
бодрость жизни во всех других людях
оскорбляла Ивана Ильича; только сила
и бодрость жизни Герасима не огорча-
ла, а успокаивала...* [8, т. 26, с. 97].

Герасим умеет по-настоящему жа-
леть, как и Вася, сын Ивана Ильича:
*Кроме Герасима, Ивану Ильичу каза-
лось, что один Вася понимал и жалел*
[8, т. 26, с. 104]. Эти качества прису-
щи всем героям такого типа. Причём
понять, пожалеть они способны не
только человека, но и любое суще-
ство. Здесь стоит обратить внимание
на особое отношение Никиты к жи-
вотным, поведение которых он с лёг-
костью интерпретирует и с которыми
разговаривает вполне серьёзно: *Ники-*

та поговорил со всеми: извинился перед курами, успокоил их, что больше не потревожит, упрекнул овец за то, что они пугаются, сами не зная чего, и не переставая усовецивал собачонку, в то время как привязывал лошадь [8, т. 29, с. 19].

Искренняя жалость, порождаемая любовью в сердцах героев, пробуждает ответное чувство. Ивану Ильичу перед смертью становится жалко сына и жену: *Жалко их, надо сделать, чтобы им не было больно. Избавить их и самому избавиться от этих страданий [8, т. 26, с. 113].* Именно это чувство приводит героя к осознанию простоты и естественности смерти. Головин смиряется с болью, которая так долго не давала покоя больному. До этого момента в сознании Головина «...смерть персонифицируется, и потому он постоянно ощущает её мистическое присутствие» [2, с. 60]. Теперь же смерть вовсе перестаёт существовать: *Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет [8, т. 26, с. 113].* Таким образом, чувство жалости к родным порождает прозрение в душе Ивана Ильича. Он хочет совершить жертвенный поступок: ускорить свою кончину ради спокойствия близких, и в результате получает свободу от смерти.

Пример Ивана Ильича иллюстрирует, что такого рода персонажи тоже могут обретать *лёгкость*. Но путь к ней лежит через *тяжесть*, пережитую во сне / болезненной агонии. Головину, например, снится сон, в котором *...его с болью суют куда-то в узкий чёрный мешок и глубокий, и всё дальше просовывают и не могут просунуть [8, т. 26,*

с. 105]. Позже, практически в бессознательном состоянии Иван Ильич сравнивает свою жизнь с камнем, летящим вниз.

Лёгкость связана с верой, и лишь последняя может облегчить страдания. К истинному ощущению *лёгкости* могут привести только искренние чувства, такие, как жалость к близким, желание попросить прощения: *Он хотел сказать ещё "прости", но сказал "пропусти", и, не в силах уже будучи поправиться, махнул рукою, зная, что поймёт тот, кому надо [8, т. 26, с. 113].* Жест «махнуть рукой» используется здесь Головиным адекватно ситуации: «...жестикулирующий считает, что он не способен изменить в лучшую для себя сторону некую ситуацию или положение вещей, и потому не будет предпринимать для этого каких-либо действий» [5, с. 146]. Последние слова героя, обретшего веру, свидетельствуют о смене духовно-нравственной парадигмы: «Какая радость!». В результате его субъективное восприятие кончины принципиально отлично от рецепции сторонних людей, о чём свидетельствует некое темпоральное сжатие: *Для него всё это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась ещё два часа [8, т. 26, с. 113].*

Если сравнивать Ивана Ильича с другими персонажами, живущими по *ложным* принципам, он находится в середине «эволюционной цепи». Никита Серпуховской умирает, не осознав пустоты своего существования. Прозрение, осветившее последние часы жизни Головина, и жертвенная смерть повторяются в судьбе Василия Андреевича Брежунова. По меткому замечанию

К. Гамбургер, «то, что в ходе агонии в “Смерти Ивана Ильича” появляется только как поэтический идеал и символ эпизода, в “Хозяине и работнике” превращается в экзистенциальную ситуацию и этическое действие» [цит. по Хайнади]. Брехунов спасает Никиту ценой своей жизни, но именно этот поступок помогает ему переосмыслить своё существование, другими словами, «хозяин своим телом защищает работника от замерзания и от этого внешне мёрзнет, а внутренне согревается» [9].

В сознании Василия Андреича, как и в случае Ивана Ильича, появляются картины, связанные с мотивом *тяжести*. Ему представляется Никита, лежащий то под свечным ящиком, то под домами, крытыми железом. Затем Брехунову снится сон, в котором он сам обездвижен. При пробуждении герой осознаёт ту же невозможность двинуть какой-либо частью своего тела, но он уже не боится этого.

Аналогичный сон снится и Андрею Болконскому: ему необходимо закрыть дверь, но ноги не двигаются, отчего его окутывает страх. Князь умирает во сне, но осознаёт, что это сон: *«Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение»,* вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нём силы и ту странную лёгкость, которая с тех пор не оставляла его [8, т. 12, с. 64]. Во всех примерах сны связаны с *тяжестью*, но через них герои приходят к вере, которая несёт с собой *лёгкость / пробуждение*.

Василий Андреич перед смертью отождествляет себя с Никитой: Он [Василий Андреич] понимает, что

это смерть, и несколько не огорчается и этим. И он вспоминает, что Никита лежит под ним и что он угрелся и жив, и ему кажется, что он – Никита, а Никита – он, и что жизнь его не в нём самом, а в Никите. Он напрягает слух и слышит дыханье, даже слабый хрип Никиты. «Жив Никита, значит жив и я», – с торжеством говорит он себе [8, т. 29, с. 43–44]. Это и есть момент познания-прозрения. Р. Густафсон определяет такой способ как познание с помощью внимающего сознания: «Для Толстого познание с помощью внимающего сознания, сознания, стремящегося охватить всё и стать Богом, – это путь к жизни и любви. В его творчестве изображение персонажа в тот момент, когда он выходит за рамки своей личности, когда он открывает другого в акте познания через внимающее сознание, постигающее всё, – воплощает и раскрывает путь к Богу» [3, с. 244].

Таким образом, герои, живущие по законам *истинной* жизни, могут становиться стимулом для прозрения в душе противоположных персонажей. В «Холстомере» этого не происходит, разумность пегого мерина лишь подчёркивает пустоту существования Никиты Серпуховского. В «Смерти Ивана Ильича» и в «Хозяине и работнике» присутствует просветление Ивана Ильича и Василия Андреича. Вероятно, это связано с тем, что в названных произведениях героями, побудившими к переосмыслению жизни, являются мужики и ребёнок. По Толстому, нужно *учиться у святого старца, чистосердечного мужика, непорочного ребёнка, у тех, кто познакомился с божественным логосом раньше, чем тот был пропущен через фильтр человеческого логоса. Видимость невежества и*

простоватости на самом деле являются глубокой мудростью, что в свою очередь является привилегией детей и достижением святых [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи. М.: Рус. яз., 1991. 144 с.
2. Гладышев А.К. Интерпретация мотива смерти в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Уральский филологический вестник. 2013. № 5. С. 53-63.
3. Густафсон Р.Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Л. Толстого. СПб., 2003. 480 с.
4. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб: Питер, 1999. 464 с.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002. 592 с.
6. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода. Вводные замечания // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 380-394.
7. Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого. Воронеж, 2012. 443 с.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М., Л.: Худ. лит., 1928-1958.
9. Хайнади З. Поэтический переворот Толстого [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200501705> (дата обращения 16.09.2015).

REFERENCES

1. Akishina A.A. Zhesty i mimika v russkoi rechi [Gestures and facial expressions in Russian language]. M., Russkii yazyk, 1991. 144 p.
2. Gladyshev A.K. Interpretatsiya motiva smerti v povesti L.N. Tolstogo «Smert' Ivana Il'icha» [The interpretation of the motif of death in the novel L. N. Tolstoy "Death Of Ivan Ilyich"] // Ural'skii filologicheskii vestnik [Ural philology bulletin]. Ekaterinburg. 2013. no. 5. pp. 53-63.
3. Gustafson R.F. Obitatel' i chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L. Tolstogo [Inhabitant and stranger. Theology and the artistic creativity of L. Tolstoy]. SPb., 2003. 480 p.
4. Izard K.E. Psikhologiya emotsii [Psychology of emotions]. SPb., «Piter», 1999. 464 p.
5. Kreidlin G.E. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk [Nonverbal semiotics: body Language and natural language]. M., 2002. 592 p.
6. Lotman YU.M. O russkoi literature klassicheskogo perioda. Vvodnye zamechaniya [On Russian literature of the classical period. Introductory remarks] YU.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. M., Gnozis, 1994. pp. 380-394.
7. Nagina K.A. Prostranstvennye universalii i kharakterologicheskie kollizii v tvorchestve L. Tolstogo [Spatial universals and personality conflicts in the works of L. Tolstoy]. Voronezh, 2012. 443 p.
8. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. [Complete works: in 90 vol.]. M., L., Khudozhestvennaya literatura. 1928-1958.
9. Khainadi Z. Poeticheskii perevorot Tolstogo [Elektronnyi resurs]. [A poetic coup of Tolstoy [Electronic resource]]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200501705>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомина Юлия Валерьевна – аспирант кафедры русской литературы Воронежского государственного университета,
e-mail: y.v.fomina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fomina Julia – post-graduate student in Voronezh State University,
e-mail: y.v.fomina@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Фомина Ю.В. *Лёгкость и тяжесть* как маркеры невербального поведения героев Л. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 122-129
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-2-122-129

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Fomina J. Lightness and heaviness as markers of non-verbal behavior of the L. Tolstoy's characters // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian Philology. 2016. no 2. pp. 122-129.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-2-122-129